

На правах рукописи

ЛИХАЧЕВ
Сергей Владимирович

**УТИЛИТАРНЫЙ ДИСКУРС
В АНТРОПОГЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОММУНИКАЦИИ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва 2013

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания Института гуманитарных наук государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования города Москвы «Московский городской педагогический университет»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор Киров Евгений Фролович

Официальные оппоненты:

Доктор филологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет» Елена Георгиевна Борисова

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области зарубежного регионоведения ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет» Олег Анатольевич Радченко

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии ГБОУ ВПО «Волгоградский государственный педагогический университет» Владимир Ильич Карасик

Ведущая организация:

Московский государственный университет им. Ломоносова.

Защита диссертации состоится «10» апреля 2014 года в 11.30 час. на заседании совета Д 002.006.03 - в Институте языкознания Российской академии наук по адресу Москва 125009 Б. Кисловский пер. д.1 стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Института языкознания Российской академии наук по адресу Москва 125009 Б. Кисловский пер. д.1 стр. 1.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2013 года

ученый секретарь совета Андрей Владимирович Сидельцев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Среда жизни человека, в значительной части создана его руками и, что еще важнее, постоянно ориентирует человека с помощью языковых сообщений на вывесках указателях, ценниках, этикетках и т.д. Сообщения эти кратки, обыденны и поэтому почти не привлекали внимания лингвистов, но образуют дискурс, незаменимый в повседневной жизни.

Предлагаемое диссертационное исследование посвящено проблемам языковой и экстраязыковой коммуникации в разновидности дискурса, обслуживающей утилитарную сферу жизни общества и располагающейся в антропогенном пространстве – предметной среде, созданной человеком. Среди различных подходов к определению дискурса избран текстоцентрический подход, в соответствии с которым дискурс понимается как совокупность речевых произведений (текстов), объединенных содержательными свойствами и экстралингвистическим взаимодействием.

В изысканиях из области дискурсологии значительное место занимают исследования различных типов дискурса, однако до сих пор не существовало специальных исследований одного из самых широко распространенных и развитых типов – дискурса утилитарного.

Утилитарный дискурс представляет собой управляющее повседневными действиями человека для решения его собственных задач поле взаимосвязанных, позиционируемых на неоплачиваемом пространстве: указателях, ценниках, табличках и т.д., – текстов, в которых письменная часть функционально и семантически взаимодействует с расположенным в актуальной доступности предметом антропогенного происхождения (артефактом). Утилитарный дискурс имеет точки соприкосновения с письменными формами рекламы, но не тождествен ей, причем подобные факты лингвисты уже отмечали, обращаясь к изучению «письменных жанровых форм, появившихся на улицах города в последнее время. Это городские плакаты нерекламного характера и реплики-наклейки».¹

Утилитарный дискурс – явление столь же значимое и необходимое в развитии современной цивилизации, технократической по своей сути, как и информация, распространяемая посредством телевидения, радиовещания, компьютерных сетей, систем глобального позиционирования и других средств информационного освоения и заполнения пространства.

Утилитарный дискурс, в отличие от телепередачи или Интернет-ресурса, может существовать при весьма ограниченных технических возможностях, поэтому появился раньше. Его возникновение, развитие и внедрение во все сферы деятельности человека было постепенным и не

¹ Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Малые письменные жанры в городском общении: на пути к диалогу. – С. 256 – 262 // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М.В. Панова / сост. Л.А. Капанадзе. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 257.

обращало на себя внимание ученых. В результате утилитарный дискурс был исследован с лингвистической точки зрения лишь в виде отдельных, разрозненных примеров, хотя, безусловно, он в целом обладает собственными лингвистическими особенностями, которые заслуживают изучения.

Актуальность исследования утилитарного дискурса обусловлена, во-первых, постоянно возрастающим интересом к изучению дискурса в области гуманитарных исследований различных направлений; во-вторых, вовлечением в круг современных лингвистических исследований материала общественных надписей, в частности, в работах таких известных ученых, как Г.А. Золотова, Б.З. Букчина, Т.В. Шмелева, М.А.Китайгородская; в-третьих, существенным влиянием, которое утилитарный дискурс оказывает на повседневную жизнь всего общества.

В лингвистической науке к настоящему времени тема настоящего исследования разработана в малой степени – на уровне отдельных эпизодов и частных попутных замечаний, реже – специальных статей. Комплексные обширные исследования по данной теме не проводились.

Объектом настоящего исследования является утилитарный дискурс, отличающийся от граффити, которые не выполняют общественных функций, а также идеологических и пропагандистских текстов, например, рекламы, которые могут быть не связаны с ситуацией размещения, кроме того, от орнаментальных текстов, например, художественно-литературных фрагментов, воспроизведенных в интерьере, в архитектурной среде и даже в вагонах метро.

Предметом исследования являются лингвосомиотические особенности функционирования утилитарного дискурса в антропогенном пространстве, где в роли адресанта дискурса выступают грамотные и дееспособные члены общества, в роли адресата – некоторые грамотные конкретные его представители, а ситуацией существования дискурса является антропогенное пространство

В области речевой деятельности, в отношении утилитарного дискурса последовательно обозначилось противоречие: с одной стороны, утилитарные тексты с точки зрения средств языка ограничены видимым начертанием, то есть в большинстве случаев выглядят как отдельные слова и словосочетания, у которых традиционная лингвистическая наука не усматривает свойств ни предложения, ни диалога и т. д.; с другой стороны, утилитарные тексты проявляют черты коммуникативных единиц: они не просто сообщают информацию, а характеризуют интенции автора, имеют определенного адресата и даже становятся объектом общественных дискуссий этического и культурного содержания, откуда и вытекает **проблема настоящего исследования**: как утилитарный дискурс может быть исследован с помощью лингвистических методов в качестве одного из продуктов коммуникации людей.

Цель работы – выявить и сформулировать лингвистические и семиотические законы функционирования утилитарного дискурса,

действие которых позволяет коммуникативным единицам образовываться на основе интеграции единиц разной природы: языковых знаков и артефактов антропогенного пространства.

Задачи работы:

1. Опираясь на существующие научные исследования дискурса, предложить определение дискурса как глобального семиотического феномена, а также указать место утилитарного дискурса среди других дискурсов.
2. Решить вопрос о семиотической природе используемых в утилитарном дискурсе знаков (с точки зрения формы, содержания и способа семиозиса) и законов их функционирования, а также разработать типологию способов объединения знаков разной природы.
3. Эксплицировать критерии ядра, окооядерных областей и периферии утилитарного дискурса и определить на основе этих критериев его границы и внутреннюю градацию поля.
4. Реконструировать этапы диахронического развития утилитарного дискурса, объединив в единую картину сохранившиеся разрозненные сведения о надписях на предметах на основе представления о целостном строении антропогенного пространства.
5. Проанализировав связанный с утилитарным дискурсом коммуникативный процесс, определить коммуникативный вклад участников, особенности их вербальной и невербальной деятельности, а также влияющие на коммуникацию ситуативные и иные факторы.
6. Оценить какая из известных моделей коммуникации в наибольшей мере подходит для анализа коммуникативного процесса, связанного с утилитарным дискурсом.
7. Раскрыть условия, при которых утилитарный дискурс функционирует эффективно или неэффективно, в том числе проанализировать коммуникативные помехи и неудачи.
8. Установить, в какой мере способы бытования: составления, расположения, распространения, – утилитарных текстов зависят от конкретных социальных условий и сферы использования.
9. Прояснить степень взаимосвязи лингвистических компонентов утилитарного текста и связанных с ним экстралингвистических фактов как части единого дискурса.
10. Обнаружить лингвистические, семиотические и общекультурные свойства утилитарного текста интегрированного в утилитарный дискурс.

Научная новизна исследования определяется, с одной стороны, отсутствием специальных лингвистических исследований утилитарного дискурса, взятого в целом, как в отечественном, так и в зарубежном языкознании, поскольку изучение отдельных утилитарных текстов обычно осуществляется при наличии другого основного объекта исследований: синтаксических конструкций, графики, речевых норм, лексики и т.д. и занимает несущественную часть работы; с другой стороны, сравнительно

недолгой историей используемого в настоящей работе дискурсивного подхода к анализу языка.

Хотя ранее проводились исследования текстов на вывесках и других объектах в пространстве города, однако не существует исследований утилитарных текстов в области транспорта, в частности автомобильного, в области маркировки товаров, техники безопасности и т.д. Принципиальная новизна настоящего исследования состоит в изучении ранее не исследованного утилитарного дискурса как явления с едиными лингвистическими и коммуникативными законами в любой сфере деятельности; изучении, направленном на поиск функциональных особенностей языковой системы в рамках утилитарного дискурса.

В настоящей работе впервые комплексно исследован обширный материал утилитарных текстов из различных социальных практик, с учетом не только языковых, но и социальных, юридических, технических, культурных особенностей; осуществлен критический анализ утилитарного дискурса; выдвинуто положение о знаковом характере антропогенного пространства; разработаны теоретические подходы для классификации и анализа семиотических гибридов; предложена концепция взаимодействия на основе законов языка вербальных знаков и артефактов в едином дискурсе. Помимо того, в работе 1) декларировано наличие в современной коммуникации стремления смешивать разные знаковые системы, в частности, этнические и отраслевые языки; 2) указана возможность происхождения утилитарных текстов от охотничьих меток первобытного человека; 3) показано, что артефакт является знаком, а антропогенное пространство представляет собой реализацию отраслевой знаковой системы артефактов, таким образом, предметный мир осмысливается человеком по законам языка.

Теоретическая значимость заключается в выявлении законов взаимодействия языка с системой организованного человеком пространства. 1. Для современной коммуникации магистральным направлением развития является гибридизация знаков разных свойств и систем, что характерно, в частности, для утилитарного дискурса. 2. Гибридные образования коммуникативно обособливаются от материнских систем, что приводит к образованию семиотических структур следующего поколения, где вырабатываются собственные правила функционирования знаков, – таким «постгибридным» образованием и является утилитарный дискурс, поскольку он соединил в себе, в первую очередь, предметные знаки-артефакты и знаки этнического языка. 3. Для антропогенного пространства обязательно существование нескольких связанных уровней, в чем проявляется его сходство с системой языка. 4. Речевые жанры, близкие по объему, стилю и функциям конкурируют, стремясь занять доминирующее в коммуникации положение, причем утилитарные тексты по ряду причин в наше время обладают высокой конкурентоспособностью. 5. Утилитарный дискурс включает полилог, в качестве реплик которого выступают вербальные и невербальные действия (коммуникативные

ходы), где до появления части текста на этническом языке существует создание артефакта (улицы, здания, помещения, полки, вещи и т.п.), в чем заключается первый ход, далее следует проявление интереса адресата текста к артефакту, в чем заключается второй ход, а размещение текста является третьим коммуникативным ходом.

Выдвигаемая модель функционирования утилитарного дискурса в антропогенном пространстве должна внести определенный вклад в разработку общей модели коммуникации, в которую, в частности, может войти идея о взаимодействии и взаимозаменяемости в процессе общения всех типов условных знаков, в том числе слов этнического языка, и артефактов, манифестирующих свое назначение безусловно.

Практическая значимость заключается в возможности применения результатов в административной организации речевого облика города, в издательском деле, а также при лингвистической экспертизе текста. Отдельные выводы, касающиеся утилитарного дискурса в автомобильном потоке, могут быть использованы в сфере регулирования дорожного движения. Материалы диссертации могут быть полезны для преподавания культуры речи и стилистики; разработки информационных систем для общественного транспорта, торговли, обслуживания и т.д.

Материалы диссертации могут быть использованы в вузовских курсах «Лингвистика текста» и «Типология текста», в частности для обсуждения вопросов о критериях «текста» и «нетекста».

Методы исследования

Общим для всей работы методом исследования является лингвопрагматический анализ утилитарного дискурса. Для анализа предлагается специальная методика, включающая выделение лингвистических компонентов дискурса и связанных с ним экстралингвистических компонентов ситуации, способных влиять на характер коммуникации, в первую очередь на ее цель, что направлено на создание интерпретации текста, достоверно реконструирующей реальное субъективное его восприятие в акте коммуникации. Использование этого метода основано на привлечении фотографии или описательной презентации текста в ситуации его бытования, созданной исследователем на основе непосредственного наблюдения.

В качестве частных методов исследования используется семиотический анализ знаков и знаковых построений, лингвистический анализ текста и дискурса, анализ речевого акта: ролей коммуникантов, текста и внетекстовой ситуации, а также сопоставление текстов на различных этнических языках.

При изучении отдельного текста и целостного дискурса оказывается неизбежным использование описательного метода.

В отдельных случаях применяется метод опроса автора или отправителя текста. Используется также и наблюдение за непосредственной и опосредованной реакцией адресата на утилитарный текст и регистрация результатов в виде описания.

Принципы сбора материала. Утилитарные тексты представлены в антропогенном пространстве почти неограниченным числом экземпляров, что, с одной стороны, дает обширные возможности для поиска, с другой – вызывает затруднения при отборе, которые можно разрешить, ограничив отбор примерами, интересными с позиций изучения коммуникативного процесса, то есть позволяющими выявить характеристики автора, адресата, текста, кода, передаваемой информации и социальной ситуации.

В основном тексте работы для анализа использовано более пятисот примеров, общее количество единиц приведенного материала в письменной форме, включая приложения, – более тысячи; в фотографической форме – более двухсот.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Утилитарные тексты, состоящие из знаков этнического языка и любых артефактов антропогенного пространства, образуют единый дискурс, который динамично развивается и обладает рядом атрибутов, достаточных для определения утилитарного дискурса и противопоставления иным дискурсам.

2. Среда реализации утилитарных текстов – антропогенное пространство – не является только физическим объемом, но представляет собой совокупность значимых построений, реализующих семиотическую систему, знаками которой являются артефакты, где телеологическая составляющая рассматривается как семантика знака. Антропогенное пространство состоит из пяти уровней объектов: 1) уровень открытой территории, 2) уровень замкнутой территории и/или внутренности сооружения в целом, 3) уровень отдельного конкретного помещения, 4) уровень локализации предмета, 5) уровень собственно предмета, – находящихся в иерархических отношениях.

3. Утилитарный дискурс и антропогенное пространство неразрывно взаимосвязаны и интерпретируются только в коммуникативном единстве.

4. Утилитарный дискурс является одним из типов дискурса и находится в отношениях пересечения с любым другим дискурсом. Диффузный характер взаимодействия дискурсов является их естественной чертой.

5. Знаками утилитарного дискурса могут являться не только слова этнического языка и артефакты, но и иконические изображения, индексные указания и предметы, используемые в остенсивной функции. Знаки разного типа семиозиса способны взаимодействовать в утилитарном дискурсе, образуя семиотические гибриды.

6. Утилитарный дискурс исторически изменчив, он развился из одиночных утилитарных текстов во второй половине XIX века. Появление самих утилитарных текстов относится к глубокой древности, так как они существовали еще в античности.

7. Анализ коммуникативного процесса в утилитарном дискурсе показал наличие восьми коммуникативных ролей: автор, говорящий, отправитель, исполнитель, контролер, слушатель/читатель, получатель,

наблюдатель, – причем коммуниканты могут совмещать коммуникативные роли или выполнять их по-отдельности, в этом случае в одном коммуникативном акте может участвовать до восьми коммуникантов, роли которых нетождественны.

8. Утилитарный дискурс обнаруживает свойство не только обслуживать антропогенное пространство, обозначая предметы, но и видоизменять пространство, наделяя предметы функциями, не вытекающими из их физических свойств, то есть диктуя телеологию предмета.

9. В утилитарном дискурсе развивается сложный коммуникативный процесс, где реализуются интенции отправителя текста, адресат их оценивает и проявляет свою оценку невербальным или вербальным способом. Инициатором общения, совершающим первый коммуникативный шаг, в утилитарном дискурсе является адресат текста, поскольку именно его появление рядом со статичным утилитарным текстом делает общение возможным. Инициатива проявляется невербально – в том, что адресат прибывает в точку восприятия текста. Таким образом, отправитель текста предвидит коммуникативные потребности и/или намерения адресата и предлагает актуальную в ситуации информацию в тексте.

10. Анализ утилитарного дискурса показывает, что коммуникативная неудача в нем связана с намерениями отправителя и интерпретацией их адресатом, а не с буквальным пониманием знаковой конструкции (лексико-грамматического построения, рассматриваемого вне ситуации).

11. Утилитарные тексты образуют единый дискурс благодаря таким коммуникативным и содержательным свойствам, как коммуникативная активность, нормативный нигилизм (пренебрежение литературной нормой этнического языка), жизнеутверждающее мировоззрение, оценочность, культурно-историческая содержательность и интернациональность.

Степень достоверности результатов проведенных исследований.

Теоретические положения и результаты практического анализа, которые представлены в диссертационном исследовании Лихачева С.В., являются достоверными и научно обоснованными. Достоверность результатов исследования обеспечена взаимосвязью теории и практики исследования, подкрепленной использованием таких научных методов, как лингвопрагматический анализ дискурса, семиотический анализ знаков и знаковых систем, лингвистический анализ текста, сопоставительный анализ. Предложенная в работе коммуникативная модель функционирования утилитарного дискурса учитывает передовые представления о моделировании процесса коммуникации и создана на основе скрупулезного анализа большого корпуса исследуемого материала.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждалась на кафедре русского языка и общего языкознания ГБОУ ВПО МГПУ в 2011 году. Основные положения диссертационной работы обсуждались на международных научных конференциях: «Текст. Структура и семантика»

(Москва 2004), «Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты» (Москва 2007; 2009, 2011), «Kalba ir tarpkultūrinė komunikacija. Язык и межкультурная коммуникация» (Вильнюс-Минск 2009), «Пространство диалога» (Вильнюс 2010), «Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка» (Москва 2010), «Понимание в коммуникации 5» (Москва 2010), «Мова і культура» (Киев 2010), «Paremie narodu slovanskych V» (Острава 2010), «Язык и межкультурная коммуникация» (Великий Новгород 2011), «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XII Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва 2011), «Поликультурная среда как фактор развития начального филологического образования и подготовки учителя» (Москва 2012), «Магия ИННО: Новые технологии в языковой подготовке специалистов международных» (Москва 2013).

В структуру диссертационной работы входят введение, три главы, заключение, список литературы и восемь приложений. Первая глава посвящена общим семиотическим особенностям и связям утилитарного дискурса, т.е. знаковым и системным свойствам, вторая – прагматике утилитарного дискурса, т.е. его рассмотрению в аспекте речевой деятельности, третья – анализу конкретных утилитарных текстов как продукта речевой деятельности. В заключении обобщается созданная в работе коммуникативная модель функционирования утилитарного дискурса в антропогенном пространстве. Список литературы включает 498 наименований.

По материалам диссертации опубликовано 32 работы, в том числе 2 монографии и 10 статей в рецензируемых журналах перечня ВАК РФ.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

«Введение» содержит определение антропогенного пространства, дискурса и, в частности, утилитарного дискурса. Далее приведены аргументация некоторых коммуникативных преимуществ утилитарного дискурса, обоснование актуальности и научной новизны исследования; теоретической значимости и практической ценности исследования, формулировки объекта и предмета исследования, его проблемы, гипотезы, цели и задач; принципы отбора материала; перечень методов исследования и положений, выносимых на защиту.

Первая глава «Семиотические связи и границы утилитарного дискурса в антропогенном пространстве» посвящена месту утилитарного дискурса среди других семиотических явлений: иных типов дискурса, месту этнических знаков утилитарного дискурса среди знаков иных семиотических систем; здесь же рассматриваются вопросы заимствования (интертекста) и взаимодействия разных семиотических систем внутри утилитарного дискурса. Особый параграф посвящен диахронии утилитарного дискурса.

Утилитарный дискурс рассматривается с точки зрения его семиотической природы, начиная от отдельных знаков в составе утилитарных текстов и заканчивая семиотической интерпретацией антропогенного пространства и самого утилитарного дискурса в ряду иных дискурсов. При этом на любом уровне изучения материала оказываются существенными понятие семиозиса и понятие знака. Таким образом, в первой главе ставится цель, сопоставив унитарный дискурс с внешнеположными ему семиотическими явлениями, обосновать идею его самостоятельности.

Утилитарный дискурс рассматривается с точки зрения имеющихся возможностей его конструирования, в соответствии с чем ставится задача изложить теоретические подходы к изучению утилитарного дискурса в антропогенном пространстве и практически установить границы утилитарного дискурса, его места в антропогенном пространстве и среди других типов институционального дискурса.

§1. Посвящен основным свойствам антропогенного пространства, которое не является «отвоеванным у природы» пространством города или абстрактным конструктом существующим как виртуальная реальность за пределами физического пространства. Антропогенное пространство – это сумма всех целенаправленно созданных человеком следов в мире.

Семиотический подход к анализу результатов человеческой деятельности позволил выявить отраслевые языки в таких социальных практиках, где традиционная лингвистика совершенно не могла предполагать их существование. Одним из таких отраслевых языков оказывается система городских сооружений, расположенных в соответствии с представлением человека о разумности.

Однако заявить, что город – это текст, что антропогенное пространство возникает в процессе деятельности человека, еще не значит объяснить знаковую природу антропогенного пространства, объяснить законы функционирования этого отраслевого языка.

В практике общения артефакты используются как знаки. Узнавая в детстве, как выглядит церковь и в дальнейшем узнает другие церкви. Таким же образом, как знаки, усваиваются не только архитектурные сооружения: школы, магазины, жилые дома, – но и множество других предметных знаков, благодаря чему человек знает, например, для какого напитка предназначен сосуд, для какого случая надевают ту или иную обувь и т.д., т.е. каждый рукотворный предмет несет идею, телеологический вектор.

Рукотворные предметы (артефакты) в нормальной ситуации расположены так, чтобы оказаться в досягаемости в нужную минуту, для чего предметы сгруппированы в мелкие общности, мелкие общности в более крупные и т.д. Для этого используются предметы-знаки особого класса – вместилища. К ним можно отнести не только здания, но и более мелкие объекты – шкаф, коробку, и более крупные – часть города, например, улица или квартал. Значительная часть предметов этого класса

обладает универсальностью использования, т.е. может быть наполнена разным содержанием, которое не облечено внешней формой вместилища.

В таком случае возникает проблема недостатка информации о том, что содержит вместилище. Для решения проблемы размещают снаружи вместилища информацию о его содержании, назначении и особенностях обращения – с помощью условных знаков: текста на естественном языке, а также невербальных конвенциональных, иконических, индексных и остенсивных знаков. Эти знаки совокупно с артефактом образуют утилитарный текст, а совокупность таких текстов – дискурс.

Взаимоотношения утилитарного дискурса и антропогенного пространства имеют двунаправленный характер: утилитарный дискурс структурирует пространство и при отсутствии архитектурных форм и других артефактов: в заповедниках, лесных и охотничьих хозяйствах на специальных табличках указывают разрешенные и запрещенные действия, направления движения и т.д. Таким образом, утилитарный дискурс способен превращать природный объект в подобие артефакта. С другой стороны, существование антропогенного объекта является поводом для создания связанного с ним текста, т.е. развития утилитарного дискурса.

Для лингвистического исследования принципиальными особенностями антропогенного пространства оказываются его дискретность, системность и опредмеченность. Дискретность подразумевает наличие множества пространственных форм, начиная от архитектурных сооружений и комплексов и заканчивая упаковкой товара в магазине. Системность определяется уровневой организацией пространственных форм, ибо крупные формы предсказуемо включают в себя более мелкие. Определенность заключена в целеполагании, заложенном в каждом артефакте.

Антропогенное пространство создается двумя последовательными действиями: изготовлением (сооружением) рукотворных объектов (а также осмысленным выделением природных объектов) и их наименованием. К примеру, архитектор запланировал по некоторому адресу жилое здание с инфраструктурой, а в нижнем этаже запланировал помещение общественного пользования, которое предполагает появление организаций с названием на вывеске. Городская администрация разместила на здании указатель «Улица Малыгина 5 к.1» Собственник здания предоставил площади цокольного этажа в аренду для аптеки и универсама. Арендаторы поместили на здании вывески «Универсам / Советский» и «Аптека / Таблетка» и т.д.

Антропогенное пространство представляет собой иерархическую структуру, что позволяет ориентироваться в нем, целенаправленно сменяя уровень поиска. Утилитарный дискурс, наполняя собой антропогенное пространство, создает ориентиры для перехода между уровнями и объектами. Причем под уровнями имеются в виду не абстрактные геометрические пространства, а такие части среды обитания человека, которые связаны со степенью доступности и привычными приемами

поиска. Основных уровней антропогенного пространства пять: 1) уровень открытой (общедоступной) территории, 2) уровень замкнутой территории и/или внутренности сооружения в целом, 3) уровень внутренности конкретного помещения, 4) уровень локализации предмета, 5) уровень собственно предмета. Итак, антропогенное пространство выходит за рамки городской среды.

В итоге все письменные тексты, из которых состоит встроенный в пространство дискурс, можно разделить на четыре класса на основании интенций автора по отношению к адресату: опознавательные, направляющие, мотивирующие и инструктирующие. Причем на одном и том же объекте могут использоваться они все одновременно. Приведем пример сочетания утилитарных текстов разных функций на одном объекте: «Кефир» , «Состав: <...>» – опознавательные , «Открывать здесь» – направляющий, «Хранить при температуре +2 – +4 градуса» – инструктирующий, «Домик в деревне», «Красная цена» – мотивирующий.

Мотивирующие тексты в значительной части находятся в зоне пересечения с рекламными, однако реклама предполагает коммерческий интерес автора (отправителя), а в таких призывающих к осторожности текстах, как «Опасно для жизни» или «Высокое напряжение» нет идеи выгоды.

В § 2 «изучение поля утилитарных текстов как дискурса» обосновывается теоретическое понимание дискурса и идея существования единого дискурса, образованного утилитарными текстами.

С учетом исходного понимания дискурса Э. Бенвенистом и М.Фуко, и привлечением для сравнения определений отечественных исследователей Н.Д. Арутюновой, М.Л. Макарова, В.В. Красных, Е.Ф. Кирова, М.Я. Дымарского и др., а также взглядов на дискурс зарубежных исследователей: M. Heinemann, V. Heinemann, R. Diaz-Bone, J. Angermüller, R. Keller,а – выработано представление об интегративном понимании дискурса.

Все многообразие мнений более или менее сводимо к трем идеям: 1) дискурс включает единицы более сложные, чем отдельное высказывание, 2) дискурс связан с экстралингвистической реальностью, 3) в дискурсе объединены многие самостоятельные речевые произведения (тексты). Первая идея не противоречит остальным двум, однако она не является достаточной для определения дискурса. Вторая и третья идеи относятся будто бы к разным объектам, но во внетекстовой реальности помимо автора, адресата и ситуации обязательно окажутся иные тексты, так как всякий текст в большей или меньшей мере обладает интертекстуальностью. Таким образом, в круг дискурса попадет множество текстов, что соответствует третьей идее. Последняя, в свою очередь, не может обойтись без экстралингвистической реальности: социальной, политической, военной, религиозной: множество высказываний тематически объединяется в дискурс вокруг некоторых социальных практик.

Вопрос отсутствия во многих утилитарных текстах развернутых конструкций, состоящих более чем из одного предложения, решается на уровне взаимодействия таких текстов: утилитарный дискурс объединен системой рукотворных предметов в социокультурном пространстве: с архитектурой, интерьером, техникой.

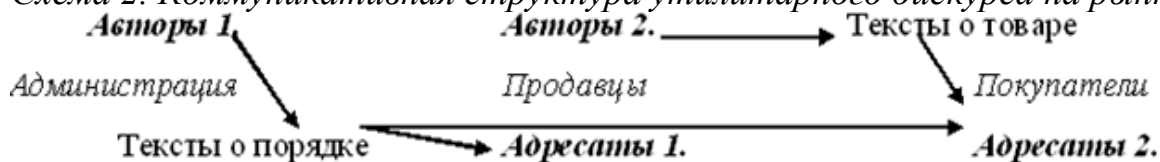
Вопрос о взаимодействии текстов решается с учетом речевой деятельности адресата во времени. Адресат воспринимает каждый закреплённый неподвижно текст в отдельный момент времени, и из таких моментов складывается отрезок, в котором из дискурса по воле адресата строится подвижная последовательность, как в схеме № 1.

Схема № 1. Сценарий покупки с использованием утилитарных текстов

Вопрос пространственной разобщенности отдельных текстовых элементов цельного утилитарного дискурса решается с учетом связи утилитарных текстов в каждом виде деятельности и в каждом социокультурном контексте посредством организации коммуникативного процесса. В частности, утилитарные тексты на рынке связаны с двумя группами авторов и двумя группами адресатов.

Схема 2. Коммуникативная структура утилитарного дискурса на рынке

В результате констатируем, что в структуре утилитарного дискурса единство обеспечено не только пространственным расположением текстов, но и тематикой, социальной ролью участников общения, их интенциями.

В § 3. «Место утилитарного дискурса среди прочих типов дискурса» ставится задача изучить возможные основания для классификации типов дискурса, определить характер отношений между такими типами; выяснить характеристики утилитарного дискурса, указывающие на его место среди других дискурсов.

С опорой на подходы к классификации дискурсов В.И. Карасика, О.Г. Ревзиной, В.Г. Борботько, Г.М. Левиной и др. установлено, что утилитарный дискурс является разновидностью типа дискурса, выделенного по социумному признаку, кроме того отличается каналом связи: синтетическим кодом, состоящим из условных знаков и артефактов, приобретающих в системе антропогенного пространства знаковый характер.

Помимо того утилитарный дискурс характеризуется еще три классификационные признака. С точки зрения национальной

принадлежности утилитарный дискурс стремится к интернациональности, для чего используются полиязыковые тексты, иконические знаки, иероглифы (в широком понимании), остенсивные знаки. С точки зрения идеологии утилитарный дискурс более или менее нейтрален. С точки зрения интенций утилитарный дискурс не является ни описательным, ни оценочным, ни аргументативным, хотя может выполнять все соответствующие функции.

Каждый социумный дискурс реально или потенциально включает все другие социумные дискурсы, которые, в свою очередь, включают его. И речь идет об отношениях синтетической, полной и неразделимой связи. Если эта связь не заявлена адресантом, то может быть достроена адресатом, который трактует любую лакуну в дискурсе как значимое умолчание: если на этикетке товара в универсаме не указан состав, убеждающий нас в экологической безопасности продукта, мы вправе сделать вывод о возможной экологической опасности. К экологическому дискурсу может присоединиться медицинский в виде предположений о вреде для здоровья, экономический и т.д. Организация дискурсов представляет собой единство многократно пересекающихся полей, где разные элементы объективно присутствуют, но не могут быть локализованы в одном поле.

На основе выявленных характеристик утилитарного дискурса устанавливается его место в ряду других дискурсов: с одной стороны, утилитарный дискурс оказывается в отношениях пересечения с любым другим институциональным дискурсом: политическим, административным, юридическим, военным, педагогическим, религиозным, мистическим, медицинским, деловым, рекламным (в значительной мере), спортивным, научным, и сценическим; с другой – утилитарный дискурс имеет отчетливые отличия от других дискурсов, выделенных по признаку интенций, канала коммуникации или жанрового наполнения. Утилитарный дискурс обнаруживает зоны пересечения со всеми вышеперечисленными дискурсами.

В § 4 «Атрибуты утилитарного дискурса» сделан анализ различных критических оценок понятия дискурса и дискуссионных мнений о нем, в частности Ю.Е.Прохорова и К.Ф.Седова. В результате сделан вывод, что в исследовании дискурса оправдана опора на существующую традицию определения дискурса, восходящую к Н.Д. Арутюновой, с дополнением конкретных атрибутов, отличающих дискурс от речи, текста, диалога, стиля и др.

Утилитарный дискурс имеет ряд атрибутов: интертекстуальность и экстралингвистический аспект, социальная и моральная нагруженность, наличие системы ограничений, кроме того утилитарному дискурсу присущи событийность и двунаправленная связь с действительностью.

В утилитарном дискурсе интертекстуальность является одной из важнейших особенностей: большое количество фрагментов являются прямыми заимствованиями, так как повторяются в текстах. Например,

часто заимствуемым компонентом является «100%» – «100% сок», «100% качество», «100% натуральный продукт», при этом прецедентный текст определим более интуитивно, чем явно. Интертекстуальность становится особо заметной, когда автор высказывания соединяет несовместимое ради использования инотекстового элемента: «Колбаса докторская – 100% ГОСТ».

Экстралингвистический аспект составляет обязательная семиотическая связь утилитарного дискурса с артефактами антропогенного пространства, что и образует главную черту утилитарного дискурса.

В утилитарном дискурсе изначально заложена идея рациональности: бережливости, осторожности, компетентности, взаимопонимания и т.д., – то есть идея моральная. Собственно моральные ограничения речевого характера также присущи утилитарному дискурсу: в утилитарных текстах не принято использовать нецензурные выражения. Появление таких выражений говорит о том, что текст относится к категории граффити, отличающихся от утилитарного дискурса отсутствием полезной нагрузки.

Утилитарному дискурсу присущ атрибут событийности, взятый в процессуальном аспекте, событие воспринимается не как исторический факт, а как вектор, т.е. событие, имевшее известное начало в прошлом и направленное через настоящее в будущее.

Двунаправленная связь с действительностью присутствует в утилитарном дискурсе, способном не только отражать действительность, но и изменять её, например, называя две одинаковые двери «Вход» и «Выход».

§ 5. «Семиотические гибриды в антропогенном пространстве» изучено взаимодействие знаков речевой и неречевой природы, которое, в частности, широко распространено в утилитарном дискурсе.

Термин *семиотические гибриды* предлагается для того, чтобы обозначить то распространившееся явление, когда в процессе коммуникации знаковые системы (или единицы таких систем – знаки), интегрируются в смешанную структуру, объединяющую материал и/или законы более чем одной однородной знаковой системы.

Теоретическое обоснование понятия *семиотический гибрид* опирается на анализ существующих представлений о поликодовых текстах Г.В. Ейгера, В.Л. Юхта, В.Е. Чернявской, А.Г. Сониной и др.; о креолизованных текстах Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова и др., в свете критического подхода к данным понятиям, предложенного А.П. Сковородниковым. Учитывается термин *семиотический гибрид* в работах О.К. Ирисхановой.

У семиотических гибридов существуют четыре признака: во-первых, использование знаков более чем одной семиотической системы, во-вторых, неоднородность семиотических систем, в-третьих, произвольность гибрида, то есть существование интенции адресанта создать неоднородную

единицу, в-четвертых, синтагматическое (грамматическое) единство гибрида.

Выделяются пять типов гибридов по структуре: фонетические и лексические гибриды, гибридные предложения, гибридные тексты, гибридные семиотические системы: например, светомузыка или «смайлы»: ;-).

По характеру соединяемых частей в утилитарном дискурсе выделены одиннадцать типов семиотических гибридов, где соединяются: 1) этнический знак и отраслевой знак: «Продукты д°шево», «ИОН»; 2) язык людей и язык животных: «Мяу Гафф / Товары для животных»; 3) единицы разных отраслевых знаковых систем: «15.4" WXGA LCD 8ms», 4) символический знак этнического языка и иконический знак-изображение: «Стой! Опасно для жизни », где обнаруживается четыре способа структурных отношений частей: рисунок рядом с буквами, рисунок вместо букв, буквы из рисунков и рисунок из букв, 5) символический знак этнического языка и индексный знак: «Вход »; 6) иконический знак и индексный знак: «», «», 7) символический знак отраслевого языка и индексный знак, например, стрелка на циферблате; 8) символический знак отраслевого языка и иконический знак, например, снежинка на термометре у деления замерзания воды; 9) индексный знак и остенсивный знак, например, автопокрышка со стрелкой, обозначающая шиномонтаж; 10) знак этнического языка и остенсивный знак, например, одежда на манекене перед входом в магазин и текст «Распродажа»; 11) отраслевой язык и остенсивный знак, например, пронумерованные пуговицы на торговых стендах.

Анализ семиотических гибридов в утилитарном дискурсе убеждает, что антропогенное пространство, становясь метом на пересечения разных семиотических систем, не только порождает большое количество семиотических гибридов, но и является местом поиска нового типа семиотической системы, где все типы семиозиса и все возможности материальной формы задействуются в меру потребностей пользователя. Утилитарные тексты уже сейчас строятся на основе разветвленной гибридной семиотической системы, где соединены этнический язык и антропогенное пространство.

В § 6 «Утилитарный дискурс в диахроническом аспекте» приведены аргументы в пользу возможности рассмотрения диахронии дискурса, в частности, идея об относительной историчности любого письменного текста, основанная на том факте, что ситуация создания текста для читателя всегда в прошлом. При этом диахроническое изучение дискурса окажется ограниченным нашими знаниями и будет лишь относительно достоверным.

Задача диахронического рассмотрения утилитарного дискурса – остановиться лишь на поворотных моментах его истории, чтобы выявить основные законы развития его коммуникативной структуры: рост состава авторов и аудитории, расширение коммуникативных сфер использования,

развитие технических возможностей канала связи (материалов, техник изготовления текста) – и влияние всех этих особенностей на формирование дискурса. При этом для достоверности реконструкции удобно начать изучение от современного состояния, углубляясь в прошлое.

В современном утилитарном дискурсе происходят процессы расширения коммуникативных функций, в частности, помимо информативных вывесок все более появляются вывески, где используются слова, маркирующие процесс коммуникации. Общей тенденцией развития утилитарного дискурса можно назвать распространение индексных знаков, основанных на измерительных технологиях, которые видоизменяются, претерпевая воздействие ситуации. Кроме того, характерной чертой современного утилитарного дискурса является исчерпывающее проникновение на всех уровнях антропогенного пространства. Главная особенность современных утилитарных текстов – конкурентоспособность. Анализ различных конкурентных условий речевых жанров показывает, что преимущества в современном обществе будут у кратких, содержательных и актуальных письменных жанров, причем таких, где авторство текста безразлично. Утилитарные тексты соответствуют всем этим требованиям.

Утилитарный дискурс советского времени первой половины XX века отличается демонстративной идеологизацией, следы которой дошли до нашего времени в виде многочисленных пародий, которые и могут стать материалом для его изучения, поскольку являются утрированным изображением новых черт утилитарного дискурса, например у И. Ильфа и Е. Петрова «Одесская бубличная артель – "Московские баранки"» или «Погребальная контора "Милости просим"». Само распространение пародий на утилитарный дискурс и стало второй отличительной его чертой в этот период, отражая экспансивное распространение утилитарных текстов.

В XIX веке в России становится все больше и больше людей, владеющих хотя бы азами грамотности. Если для представителя дворянского сословия полуграмотность была постыдной, то купец, мещанин, а тем более крестьянин учился читать не столько для приобщения к высокой культуре, сколько в утилитарных целях, хотя бы для чтения вывесок. Разумеется, орфографической и вообще речевой грамотностью в таком случае можно и пренебречь. В конце XIX века коммерсанты в Москве пользовались оригинальными вывесками с нелепыми ошибками: «Шашлычный мастер из молодого карачаевского барашка с кахетинским вином / Соломон», «Кислощевое заведение с газировкой фруктовой воды / К.Панкратов».

В XVIII веке не было ни рекламных, ни пропагандистских текстов в антропогенном пространстве. Граффити прошлых эпох известны в основном в Великом Новгороде. Утилитарный дискурс зарождался и был представлен надписями на памятниках, колоколах, храмах, надгробиях.

В средние века утилитарные тексты существуют в Московской Руси в антропогенном пространстве частного быта. В те времена стало обычаем

наносить на сосуды для застолья тексты, которые были частью застольного этикета, давали инструкцию о том, как пить, сколько, за чье здоровье.

Надписи на колоколах существовали в древнерусской традиции и выполняли утилитарные функции: сообщали, кем, когда, на чьи средства, для кого и по какому поводу изготовлен колокол. Например, «Лета 7052 1543 г. мца декабря в 6 днь дал колокол сеи Троицы на Видогощу в монастырь игумен Иона и брат его Тихон при старцы Антонии при старцы Никандры при старцы Ануфреи и при всех старцах. А несом 20 пудов без дву и 4 гривенки» – надпись на колоколе XVI века, хранящемся как недействующий экспонат на звоннице в Новгородском музее-заповеднике.

Значительная часть античных надписей, обладающих чертами утилитарности, является пометками о собственности, например, текст на светильнике: «*Sotae sum; noli me tanger[e]*» («Я [принадлежу] Соте; не прикасайся ко мне»). Наши доисторические предки сохранили от предшествующего животного состояния привычку обозначать свои охотничьи угодья, в чем можно усмотреть факт предыстории утилитарного дискурса.

В § 7 освещается интертекстуальность, как внутри утилитарного дискурса, так и между ним и речевыми произведениями за его пределами.

В утилитарном дискурсе интертекстуальные связи образуются двумя основными способами: частичным заимствованием текстового материала и воспроизведением полного текста в новом предметном контексте.

Первый способ можно проиллюстрировать такими примерами: «Справки даем» – образовано на основе прецедентно текста «Справок не даем». Пример отражает осознание автором-отправителем текста присутствия в утилитарном дискурсе бюрократически-запретительной идеологии и отказ от нее в пользу идеологии конструктивного сотрудничества

Второй способ преимущественно касается перенесения на личные вещи прецедентных текстов их других сфер бытования утилитарного дискурса, например, перенесенные на футболку тексты: «Не прислоняться» или «Экспонат руками не трогать» – сообщают не о мерах предосторожности, а о нежелательности физического контакта для носителя.

В итоге первой главы установлено, что утилитарный дискурс неотделим от антропогенного пространства, реализующего особую семиотическую систему артефактов, пересекается с большинством известных типов дискурса, а также, что, имея в основе знаки этнического языка, утилитарный дискурс активно пополняется знаками других, неэтнических языков, знаками разного типа семиозиса; а утилитарные тексты активно взаимодействуют с текстами разнообразных речевых и даже литературных жанров. Таким образом, и на вершинном уровне и на уровне базовых единиц, утилитарный дискурс оказывается многократно связан с внеположными себе семиотическими явлениями, что не мешает ему сохранять целостность и самостоятельность.

Вторая глава «Прагматика утилитарного дискурса в антропогенном пространстве» посвящена решению вопросов прагматики утилитарного дискурса, связанных с автором, с адресатом, с ситуацией; наконец существует теоретический вопрос о применимости к утилитарному дискурсу существующих моделей коммуникации.

§ 1. «Система участников общения в утилитарном дискурсе» посвящен анализу коммуникативных ролей, реализуемых в утилитарном дискурсе. Изучение участников общения в рамках утилитарного дискурса укладывается в схему коммуникации адресата и адресанта, но только в случае общего рассмотрения. При детальном анализе обнаруживается, что в коммуникации существенна роль большего количества участников.

Обратимся к примеру текста на памятнике в некрополе (собственные имена заменены по этическим соображениям): «Сидоров Иван Петрович 5.06.1934 – 27.12.2009 Слова и слезы бессильны передать всю глубину нашего горя». Фамилия написана сверху по центру со смещением влево на расстояние одного символа, имя, отчество и даты – на левой половине памятника, траурная часть текста – ровно по центру, внизу, так, что между верхней и нижней частью текста остается свободное пространство.

Притяжательное местоимение «нашего», использованное в траурной части, указывает на адресанта, что следует из формы первого лица, причем адресант этот коллективный. Определяемое местоимением «нашего» существительное «горя» сообщает, что те, от чьего лица идет речь, скорбят об усопшем, т.е. являются его близкими людьми.

Вместе с тем известно, что траурная часть текста сочинена не близкими усопшего, поскольку встречается в списках надгробных текстов, предлагаемыми агентствами ритуальных услуг. Таким образом, сам автор (сочинитель) ритуальной части текста не знаком с усопшим, а созданное им послание – продукт коммерческий, следовательно, личных чувств автор в тексте не проявлял. Однако в тексте эпитафии отразилось его видение человеческого горя, связанного со смертью близкого человека.

Итак, адресант текста разделяется на собственно автора слов и говорящего, покупателя слов, который позиционирует этот текст от своего лица. Кроме того, близкие имплицировали о себе некоторую информацию: они были с усопшим в разных родственных отношениях. Такой вывод следует из выбора текста, в котором не указана степень родства с усопшим.

Обратимся к анализу верхней, анкетной части надписи. Смещение фамилии на одну букву предполагает возможность преобразования единственного числа во множественное, добавлением буквы «ы». Причем предложение расположить фамилию именно так, обычно делает родственникам усопшего гравировщик (установлено в личной беседе). Физический исполнитель сообщения (третий участник структуры адресанта) вписал в текст идею ожидания смерти близкого родственника усопшего,

Помимо этих трех участников предполагается фигура контролера, который утвердил список предлагаемых текстов и одобрил консультативную деятельность гравера, не входящую в его прямые обязанности.

Адресат анализируемого текста также неоднороден. Во-первых, это близкие усопшего. Во-вторых, это знакомые с ним люди, которые могут придти к могиле. В-третьих, это множество чужих людей, которые могут прочесть все, что написано на памятнике. Итак, в утилитарном дискурсе реализуются восемь коммуникативных ролей, отраженных в таблице.

Таблица №1. Роли участников общения: терминологический аппарат.

Термин	Содержание понятия	Примеры
Автор	Создатель текста как речевого произведения	Сочинитель, составитель, спичрайтер
Говорящий	Субъект, обозначаемый первым лицом в тексте.	Я, мы
Отправитель	Субъект, принимающий решение об актуализации текста	Экзаменатор, дознаватель, спрашивающий, нарратор.
Исполнитель	Человек, создающий, распространяющий физические знаки	Гонец, декламатор, певец, гравер, наборщик.
Контролер	Ответственное за актуализацию текста лицо.	Редактор, цензор, модератор.
Слушатель (читатель)	Обозначенный в тексте вторым лицом, обращением предмет	Помимо получателя, животное, шкаф и др.
Получатель	Тот, на кого направлены интенции отправителя	Собеседник, оппонент
Наблюдатель	Присутствующий про коммуникации человек	Свидетель, носитель оценки

В итоге отметим, что в коммуникативном процессе различаются коммуникант и коммуникативная роль, то есть функция человека в коммуникации. Состав коммуникантов обычно равен двум: адресат и адресант, но может и изменяться от одного до восьми участников, выполняющих разные роли.

В § 2 «Ситуационно-кодовый анализ утилитарного дискурса» выделены компоненты ситуативного окружения и внешние языковые черты утилитарного текста и предложена методика их количественной оценки.

За основу взята модель коммуникации Шеннона-Уивера (C. Shannon, W. Weaver), учитывается схема речевой деятельности Ф. де Соссюра.

Таблица № 2. Ситуационно-кодовый анализ утилитарных текстов.

Признак утилитарного текста	Статус признака (в баллах)	
	Нейтральный - 0	Маркированный - 1

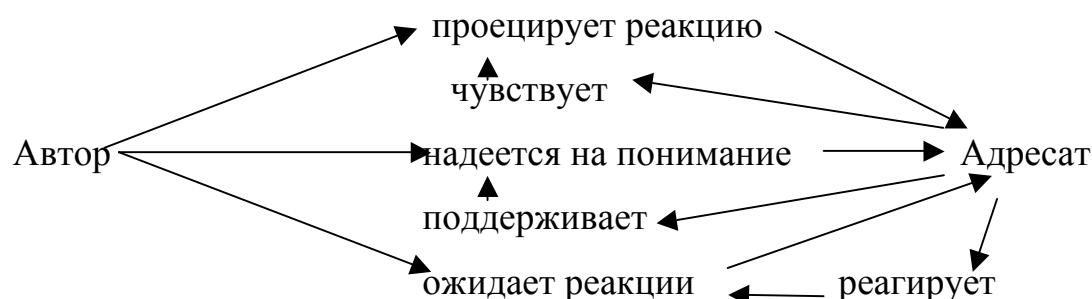
орфография	нормативная	ошибочная
пунктуация	нейтральная	выразительная
лексика	нейтральная	окрашенная
конструкция	номинативная	предикативная
графика (в т. ч. эффекты)	стандартная	оригинальная
рисунки и специальные знаки	нет	есть
способ изготовления	тиражный	специальный
близость к адресату	посредственная	усиленная
пропорциональность предмету	от 10 % до 50%	<10 % или >50%
следы реакции адресата	нет	наблюдаются

Ситуационно-кодовый анализ позволяет объяснить коммуникативную природу утилитарных текстов с точки зрения широты и адресности распространения информации и соотношении утилитарности и орнаментальности в тексте. Проанализируем текст «Прием и оплат денежных переводов». В орфографии одна ошибка: «оплат» вместо «оплата» (1), пунктуация отсутствует (0). Лексика в тексте преимущественно книжная (1), конструкция номинативная (0), графика стандартная (0), специальных знаков нет (0). Изготовлен текст промышленным способом (0), надпись доступна для восприятия – на витрине почтового отделения (0). Текст занимает около трети длины и половины высоты витрины – т.е. текст пропорционален, он не подсвечен и не сменяется (0). Так как нарушение написания – отсутствие буквы отчетливо слышимого звука – не связано с нарушением конкретного орфографического правила, следует предположить, что буква утрачена, т.е. была на месте первоначально, значит один из читателей утилитарного текста оказался вандалом (1). Данный текст получает оценку «3 балла» и можно считать типовым утилитарным текстом, адресованным широкой аудитории, относительно свободным от орнаментальности.

В § 3 «Инференционный анализ утилитарного дискурса» выявлены интенции отправителя сообщения и на их основе предложены критерии отличия рекламных и нерекламных текстов в утилитарном дискурсе.

Теоретическая основа инференционного анализа определена на основе работ Г.П. Грайса, с учетом феноменологического подхода к общению Э. Гуссерля, а также с использованием идей М.Л. Макарова. В результате предложена схема инференционной модели коммуникации.

Схема 3. Инференционная модель коммуникации

Если общение происходит в конкурентных условиях, то последняя реакция адресата дается не в направлении ожиданий адресанта, а непосредственно в направлении личности адресанта.

Сравним две вывески: с одной стороны, «Сувениры», с другой – «Магазинчик красивых вещей». В первом случае автор типовым, незапоминающимся способом сообщает о расположении магазина в данном помещении, предполагая положительную реакцию адресата при наличии актуального интереса; надеется на понимание своего намерения побудить адресата зайти, если тому это нужно, и ожидает именно такого поведения. Во втором случае автор пытается сделать свой текст запоминаемым, то есть проецирует реакцию, не связанную с актуальным интересом, что делает вероятным отсроченный интерес к «магазинчику». Причем автор опирается на собственную любовь адресата к красивому, т.е. побуждение к действию завуалировано, так как под него подведена внутренняя мотивировка. Такая вывеска имеет шансы вызвать ожидаемую автором реакцию, а не оценку его самого. Тем не менее возможен и другой вариант: адресат посетит магазин, но уже с установкой доказать, что вещи некрасивые. Независимо от реакции, такая вывеска содержит рекламу, так как содержит интенцию управлять действиями адресата, а не содействовать ему.

§ 4 «Интеракционный анализ утилитарного дискурса» основан на мнении М.Л. Макарова о наличии в дискурсе коммуникативных единиц – трансакций, представляющих собой совокупность коммуникативных ходов, которые связаны решением общей задачи. Применение интеракционного анализа к утилитарному дискурсу затруднено тем, что в большинстве утилитарных текстов эксплицирован один коммуникативный ход, одно высказывание. Эта проблема разрешима, если принять ту точку зрения М.М. Бахтина, что любой текст есть высказывание в диалоге.

Методика анализа трансакций М.Л. Макарова не во всем применима для анализа утилитарных текстов, даже если рассматривать их как часть диалога. В них не обнаруживаются ни особенностей голоса, ни парафонетических звуков, ни мимики, ни жестикуляции. Можно сделать описание сюжетов и стратегий общения, но главный вопрос – это выделение самих трансакций. Рассмотрим пример: «В этой квартире не продают самогон, не покупают рыбу, не знают, где баба Аня!!!». Текст позволяет реконструировать ситуацию диалога хозяина квартиры со старыми знакомыми «бабы Ани», которые обращались к нему с соответствующими вопросами.

Буквы в данном утилитарном тексте постепенно увеличиваются в размере, что отражает нарастание психологического возбуждения автора. Три ответа «не продают», «не покупают», «не знают» написаны разными цветами, чем автор текста подчеркивает (сознательно или бессознательно) отдельный характер фразы. Изменение цвета – черный, синий, красный, также изображает нарастание эмоционального напряжения диалога.

Итак, в одном тексте соединены три коммуникативных обмена: три реплики автора, разделенные цветом, отвечают на три вопроса адресата. Таким образом, перед нами свернутая в одно грамматическое целое (предложение) транзакция, включающая в себя три шага диалога. Свойство утилитарного текста в сжатой форме отражать обмен или несколько обменов назовем компрессией, а сам утилитарный текст будем считать транзакцией, но компрессированной, что справедливо и для более простых текстов, таких как «Товары для детей» или «Запчасти для иномарок». Эти тексты являются вторыми репликами в коммуникативном обмене, даже если адресат ничего не спрашивал. Подойти к магазину на расстояние видимости букв на вывеске прохожий мог с целью найти именно этот магазин, но если намерения покупать или выбирать детские товары или запчасти у него не было, то он может игнорировать вывеску. Если же адресат вывески действительно имел намерение найти магазин, то первый коммуникативный шаг сделан именно им уже тем, что он искал информацию, невербально «спрашивал». Далее он, войдя в магазин, ожидает найти название нужного отдела, ценник и ярлык нужного товара и так далее. И каждый последующий шаг возможен, если сотрудник магазина предусмотрительно поместил необходимую информацию, т.е. участвовал в диалоге.

Уже давно замечено, что люди «способны во многих случаях выводить планы другого действующего лица, наблюдая за тем, как это лицо выполняет некоторое действие» [Аллен 1986, 323]. Так поступает и автор утилитарного текста, но действующее лицо в этом случае не конкретно наблюдаемое, а ожидаемое.

§ 5. «Способы реакции адресата надписи на воспринятое сообщение» соединяет доступные сведения об адресате утилитарного текста, явленные в его воздействии на окружающую ситуацию, включая форму текста.

Нормальная (нейтральная) реакция адресата на воспринятый утилитарный текст не оставляет после себя следов, поэтому найти материальные свидетельства такой реакции не удастся: адресат воспринял сообщаемую информацию, оценил, полезна ли она для него, и поступил соответственно. Однако отсутствие следов реакции адресата можно считать «нулевым» показателем, который свидетельствует именно о нормальной реакции.

Реакция адресата на текст может быть непосредственной, т.е. такой, при которой текст сохраняет свои пространственно-временные координаты, или опосредованной, когда текст переносится полностью или частично адресатом в пространстве и/или времени. К непосредственным способам реакции относятся два лингвистических (1,2) и два нелингвистических (3,4):

1. Графический вандализм: частичное или полное уничтожение букв, с целью получения новых слов, также встречается дорисовывание элементов букв. Когда буквы выполнены из твердого материала, а не

нанесены краской, вандалы используют перенос букв на другое место слова.

2. Добавление комментариев в письменной форме не является столь антиобщественным, как разрушение текста. Иногда автор использует свой листок для комментариев, чтобы дистанцироваться от вандалов.

3. Демонстративное нарушение инструкции рассматривается именно как реакция на текст, а не как неосознанное игнорирование, поскольку адресат оставляет следы нарушения сделанного в утилитарном тексте требования именно в одном поле зрения с самим текстом, хотя при его отсутствии мог бы выбрать произвольное место поблизости.

4. Затемнение – редкий, практически уникальный способ реакции: текст, который по политическим или иным социальным причинам нельзя устранить, подвергается воздействию светотеневому воздействию, не изменяющему его, но фактически затрудняющему восприятие.

Несколько более разнообразны опосредованные способы реакции адресата на текст. Они физически и идеологически сложнее, хотя тоже могут нести в себе черты вандализма. К ним относятся три способа лингвистической реакции (2,3,4) и два – нелингвистической (1,5)

1. Физический перенос текста вместе с носителем обычно бывает не случайным, если адресат помещает текст в ситуацию, где он воспринимается осмысленно, часто комично.

2. Переписывание текста схоже с переносом – сообщение используется в новом осмысленном контексте.

3. Подражание графике известного утилитарного текста обычно используется в производных утилитарных текстах, причем, как правило, не вандалами, а в рекламных целях.

4. Частичное заимствование текста используется для придания своему тексту убедительности и/или юмористической окраски.

5. Коллаж иллюстрирует творческий подход к тексту, хотя содержание такого творчества оказывается чаще всего асоциальным.

Способы эксплицитной реакции адресата на утилитарный текст многообразны, но объединены противодействием адресата автору текста. Поскольку утилитарный текст не предполагает эксплицитного вербального диалога, адресат, желая сообщить автору свое мнение, пытается изобрести иные формы диалога – поведением, предметами, графикой, уничтожением букв и т.д. Такие формы общения асоциальны, но отчасти они таковы потому, что общество еще не выработало отношения к такому явлению.

§ 6 «Письменные перформативы наречения в антропогенном пространстве» содержит анализ утилитарных текстов как речевых актов в соответствии с учением Дж.Л. Остина и его последователей, доказывающий влияние утилитарного дискурса на антропогенное пространство.

Наибольшее количество случаев нарицательного наречения происходит для обретения предметами новой сущности через уточнение функции. Поскольку существо артефакта лишь отчасти заключено в его

физической сущности и другую его сторону – семантическую – составляет его телеологическая программа; постольку можно изменять назначение предмета, известное пользователю. Например, если в детской поликлинике у выхода стоит очень большая картонная коробка, на которую приклеен листок с напечатанным текстом «Для использованных бахилл» (sic), то появление текста не обязано содержанию коробки.

Коробка (не специальный бак) – форма, телеологии (предназначения) «для мусора» не имеющая, поэтому ее дополняет утилитарный текст. На первый взгляд, он является констативным, а не перформативом, поскольку автор стремится сообщить информацию о том, что перед нами коробка именно для бахил. При ближайшем рассмотрении оказывается, что до нанесения текста коробка не выполняла такую функцию, названную текстом. Лишь необходимость утилизировать бахилы сделала возможным использование коробки в такой функции. Текст был нанесен, чтобы и превратить коробку в средство наведения чистоты. Итак, перед нами акт наречения, который и дает предмету название, и изменяет отношение к нему, его статус, ситуацию, таким образом, соответствуя понятию «перформативный».

Следовательно, утилитарный дискурс способен изменять окружающее антропогенное пространство, давая предмету новую социальную роль.

§ 7. Перлокутивный эффект в утилитарном дискурсе посвящен средствам речевого воздействия на адресата.

Значительная часть утилитарных текстов, окружающих нас каждый день, предназначена для управления нашими действиями, при этом мы не всегда охотно исполняем предлагаемые инструкции. С одной стороны автор утилитарного текста не может непосредственно воздействовать на адресата, например, если в момент появления последнего будет отсутствовать или слишком занят, устал от разъяснений. С другой – адресат почти всегда не видит автора, что позволяет последнему нарушать нормы этики и языка. Свобода автора делает утилитарные тексты интересными для изучения речевого воздействия, понимаемого вслед за Дж.Л. Остином таким образом: «Мы способны осуществлять *перлокутивные акты*: вызывать что-то или достигать чего-то через посредство говорения, скажем, убеждать, вынуждать, устрашать и даже удивлять или вводить в заблуждение».²

В результате анализа утилитарного дискурса были выявлены следующие способы речевого воздействия на адресата:

- предупреждения об опасности сопровождаются словами «опасно», «осторожно» и «внимание», которые призваны насторожить;
- окрашенная лексика; морфологические и синтаксические средства, т.е. формы превосходной степени, восклицания и др., например,

² Остин Дж.Л. Слово как действие. // Новое в зарубежной лингвистике: вып. 17. Теория речевых актов. – М., Прогресс, 1986. – С. 93

«Огурчики Липецкая обл. вкусные -сладкие -хрустящие -ароматные -грунтовые -без горечи -тонко кожей» (sic.);

○ ирония, например, в тексте на аквариуме в зоомагазине «Не стучите / рыбы не откроют»;

○ апелляция к здравому смыслу, например, «Граждане! Проход через мост закрыт! Моста нет!»;

○ угрозы, которые бывают неэффективными, исключая угрозы колдовством, например, «Внимание! Цветы и грунт заговорены потомственной колдуньей Захарченко Л.В. от воровства и вандализма на несчастье Третий год работает безотказно»

○ вежливость, которая оказывается эффективной только при использовании утилитарного текста на территории замкнутого сообщества, например: «Уважаемые жильцы! Пожалуйста, не гремите мусором, т.к. За стеной в квартире живет маленький ребенок. Спасибо за понимание»;

○ отрицательная характеристика адресата, которая часто выходит за рамки приличий, но, судя по следам деятельности адресата, эффективна, например, «Уважаемые слоны! Убедительная просьба, газон не вытаптывать!» - в ситуации газон в зоне видимости цел;

○ положительная характеристика адресата, формально противоположная, но по существу воздействия тождественная отрицательной характеристике, например, «Люди высыпают мусор в бак»;

○ реакция на опыт общения, которая представляет собой особую конструкцию утилитарного текста, в которой автор характеризует речь или поведение адресата и даже характеризует последнего, например, «Да! Это СУЗУКИ! (sic) Да! Стоит очень дорого Да! Прет 300! Нет! Мало жрёт! Да! ОПАСНО! Нет! не страшно! Да! ПАДАЛ! Да! ЖИВ! Да! Терпеть не могу СТАНДАРТНЫЕ ТУПЫЕ вопросы от лузеров» - текст на футболке.

С лингвистической точки зрения, анализ средств воздействия на адресата утилитарного текста позволил уточнить границу между иллокуцией и перлокуцией, уточнить представления о средствах речевого воздействия.

В § 8 «Языковая личность автора утилитарного текста» на основе анализа используемых языковых средств установлено, что существует один немаркированный тип языковой личности автора утилитарного текста – гармоничной, и семь типов, маркированных языковыми особенностями.

Примитивная языковая личность характеризуется лингвистическими свойствами, которые отражают в основном ошибки против норм литературного языка: «При горении не выделяет вредных веществ, влияющих на экологию окружающей среды».

Клишированная языковая личность проявляется совокупностью лингвистических свойств: шаблонностью, «канцеляритом», статичностью, формальной полнотой, педантичностью, официальностью выражений, зачастую в ущерб ясности и коммуникативной уместности: «Центр

гуманитарного и делового сотрудничества с соотечественниками за рубежом».

Для **инокультурной языковой личности** автора утилитарных текстов характерна 1) множественность орфографических ошибок, к примеру, объявление на кафе: «Мы гаварим па руски»; 2) написания, отражающие невозможные для носителя родного ошибки в произношении, например: «Пиво чехский», 3) ошибки в простых морфологических формах, например, падежных: «Остановку предупреждать заранее», 4) грубые лексические ошибки, в частности, по причине смешения паронимов, например: «Абделываем машины».

Вульгарная языковая личность использует угрозы физической силой, бранную лексику, где возможна зоонимная метафора, например: «*Свиньи* подселившиеся в наш подъезд украли лампочки на 1-м и 2-м этажах. Теперь там темно! А вам хорошо / *свиньи*?!».

О принадлежности автора текста к типу **дезорганизованной языковой личности** говорят нарушения логики, здравого смысла как в вербальном, так и в невербальном аспекте: «Семь цезарей в одном меню».

Свойствами **ироничной языковой личности** являются остроумие, рефлексивная самооценка, скептицизм, использование речевых масок, часто встречающиеся в текстах на футболках, например: «Ведусь на конфетки, шарики и пустые обещания».

Выделение характеристик **высокомерной языковой личности**, среди которых использование изысканных цитат, подкреплено лишь единичными примерами: «Только моральные уроды способны гадить, где попало / Марк Аврелий / Вы это сделали? Поздравляем!!!»

В § 9 «Причины коммуникативных неудач в утилитарном дискурсе» уточнено понятие коммуникативной неудачи и предложена типология коммуникативных неудач в утилитарном дискурсе в соответствии с вызывающими их причинами. Под коммуникативной неудачей понимается не сбой в передаче информации и непонимание сообщения адресатом, а сбой в реализации намерений автора, который может быть вызван пониманием этих намерений со стороны адресата. Например, текст «При покупке цифровой фотокамеры второй фотоаппарат в подарок» буквально значит то, что цена на первый объект завышена, что позволяет покрыть убытки, вызванные невозможностью реализовать устаревшие пленочные фотоаппараты, которые отдельно не пользуются спросом и не продаются (этот факт проверен в беседе с продавцом). Иными словами, два фотоаппарата продаются вместе, но один из них потребителю не нужен. Однако маркетологи намеренно формулируют сообщение так, чтобы адресат не понял его содержание, находясь под обаянием слова *подарок*. Если адресат поймет намерение маркетолога, то не купит фотоаппарат – заложенные в тексте интенции не реализуются, в чем и состоит коммуникативная неудача.

Если же интенции автора текста состояли именно в том, чтобы передать информацию – то непонимание является коммуникативной неудачей.

Все причины коммуникативных неудач в утилитарном дискурсе разделяются на кратковременные, возникающие в момент порождения текста и долговременные, существовавшие до текста.

Кратковременными причинами обусловлены такие неудачи, как затрудненное восприятие текста в результате 1) сокращения слов: «Качал дет. оз. бат. пон. мяг. тем-кор. бел. сед.»; 2) семантических искажений: «Стоматологический центр / Адреналин», 3) грамматических нарушений: «Устанавливается самостоятельно, без посторонней помощи» (перекладина); 4) неуместной лексической омонимией и смежными явлениями: «Юбка для школьницы с запахом» (ценник), а также комизм, вызванный 1) нежелательным взаимодействием утилитарных текстов «Торты / Скупка б.у. / Продажа / Прием платежей», 2) неуместной интертекстуальностью, например, «Мука Я колобок-колобок», где вредит восприятию вспоминающееся продолжение сказки: «по сусекам скребен, по амбарам метен».

Долговременными причинами, такими как характеристики личности коммуникантов, ситуация общения и особенности культуры и экономики, могут быть вызваны такие коммуникативные неудачи, как 1) бессмысленность действий, предполагаемых утилитарным текстом: «Покупая 4 гроба, вы получаете пятый бесплатно», 2) этический, эстетический или эмоциональный конфликт с представлениями адресата о социальной функции текста: «Стоматология / Скидки! Цены еще ниже!» над проходом между двумя рядами гаражей, 3) физическая недоступность текста: большая вывеска над входом в здание «Аптека» – в тамбуре при входе – «Аптеки нет».

Знание приведенных типов и причин коммуникативных неудач позволит избежать большого количества ошибок в утилитарном дискурсе.

В результате исследования вопросов прагматики утилитарного дискурса в настоящей главе выяснилось, что все известные модели коммуникации: информационно-кодовая, инференционная и интеракционная, – подходят для отражения коммуникативного процесса в утилитарном дискурсе лишь отчасти. Однако они адаптированы к утилитарному дискурсу с помощью исследования всех обстоятельств коммуникативного процесса, связанных с кодом, говорящим, слушающим и ситуацией.

Третья глава «Утилитарный текст как проявление утилитарного дискурса» посвящена выяснению общих свойств утилитарных текстов как коммуникативных единиц, включающему анализ их формальной и содержательной организации в свете социальной, этической и практической направленности, что возможно только с учетом типа социальной группы, использующей данные тексты. Общими типами социальных групп отграничено количество изучаемых групп утилитарных

текстов. При этом не ставится задача исследовать и оценить этические и социальные свойства групп людей, но делается попытка изучить создаваемые этими группами тексты как проекцию их мировоззрения.

В задачи третьей главы входит, во-первых, изучение утилитарного дискурса как поля, во-вторых, интегрированное изучение лингвистических компонентов утилитарного текста и связанных с ним экстралингвистических фактов, в-третьих, выявление лингвистических, семиотических и общекультурных свойств утилитарного текста как центральной единицы коммуникативного процесса в утилитарном дискурсе, в-четвертых, обоснование коммуникативно-содержательного единства утилитарного дискурса на основе выявленных свойств текстов.

§ 1. «Место утилитарного текста в рамках поля утилитарного дискурса» предваряет изучение конкретных свойств утилитарного текста, для чего в нем дано рабочее определение текста, изучены 1) типы массового знания, обеспечивающие функционирование утилитарных текстов, 2) место утилитарного текста в рамках поля утилитарного дискурса, и обоснован выбор групп утилитарных текстов для анализа.

«Текст в узком смысле – это единица речи (т.е. текста в широком смысле) которая характеризуется цельностью и внутренней связностью и как таковая может быть вычленена, т.е. отграничена от предыдущего и последующего текстов».³ В соответствии с таким определением слово на вывеске – текст, поскольку обладает цельностью, связностью и изолировано.

Опираясь на привычные анкетные характеристики человека и идею П. Сорокина о том, что эти характеристики выражают отношение к социальному сообществу, удалось выделить шесть типов массовых сообществ людей: 1) функциональные сообщества, 2) экспертные сообщества, 3) «маскультурное» сообщество, 4) гражданское общество, 5) нации и народы, наконец, 6) международное сообщество.

Соответственно, при чтении утилитарного текста разные люди могут опираться на разный набор знаний, но автор текста может рассчитывать на массового читателя, располагающего хотя бы одним из типов знаний связанных с перечисленными сообществами.

К таким знаниям относятся, во-первых, практические знания из области религии, военного дела, управления, искусства, техники, спорта и т.д., связанные с функциональным сообществом; во-вторых, фундаментальные научные знания, некоторого экспертного сообщества; в-третьих, форма мировоззрения, называемая здравым смыслом, куда входят не только верные бытовые знания, но и суеверия, и предрассудки, присущие маскультурному сообществу; в-четвертых, гражданские знания и убеждения, куда относятся сведения государственно-патриотического свойства, знание прав граждан, политические убеждения, свойственные гражданскому обществу; в-пятых, уникальная часть национальной

³ Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, 1988. – С. 50 – 51.

культуры, обеспечивающая самоидентификацию нации или народа; в-шестых, общечеловеческая культура, в интернациональной своей части, объединяющей людей в международное сообщество.

Поле утилитарного дискурса состоит из текстов, проявляющих утилитарность в более или менее чистом виде, причем место утилитарного текста в организации поля определяется выполняемыми функциями, которые могут быть нестрого связаны с той или иной социальной практикой.

К ядру утилитарного дискурса относятся тексты, свободные от решения любых задач, кроме выполнения трех собственно утилитарных функций: сообщать о наличии и сути артефакта, указывать на переход между объектами и уровнями антропогенного пространства и инструктировать о действиях с артефактом, например, тексты о безопасности и др.

В ближайшей (околоядерной) зоне находятся утилитарные тексты, которые наряду с указанными тремя функциями реализуют функцию привлечения внимания: тексты на вывесках, ценниках, бейджах и др.

В дальнейшей зоне находятся утилитарные тексты, выполняющие наряду с функцией привлечения внимания и одной из трех собственно утилитарных функций еще одну – функцию средства самовыражения автора. Объектом этих текстов становится человек, позиционирующий их в своем личном пространстве и от своего лица. Сюда относятся тексты на личных вещах, прямо или косвенно характеризующие владельца: на футболках, бейсболках, сумках, копилках, чашках и кружках, тапочках и т.д.

На самой дальней периферии утилитарного дискурса находятся утилитарные тексты, совмещающие и функцию привлечения внимания, и функцию самовыражения и еще одну функцию – орнаментальную. Она заключается в том, что текст на этническом языке художественно связан с особым артефактом – произведением пространственного искусства: монументального, включая и памятники в некрополях; прикладного; живописи, включая плакаты и лубочные изображения; архитектуры, включая интерьер и фасады с памятными досками.

Такие тексты ядра утилитарного дискурса, как указатели, официальные таблички или тексты о безопасности, более стандартны, однообразны и не являются продуктивным и наглядным материалом для анализа.

При этом тексты на автотранспорте приобрели статус показательного явления для общественной рефлексии: списки таких текстов не только в большом количестве публикуются, но и обсуждаются и даже подвергаются непрофессиональному изучению, кроме того становятся сферой проявления общественных настроений, при использовании сообщений в виде синих ведерок, белых ленточек и т.д. – и поэтому интересны для исследования дискурса. Второй анализируемой группой текстов являются надписи на обложках учебных книг,

отражающие фундаментальные знания педагогического экспертного сообщества о нормах языка. С учетом значимости отношения к смерти в человеческом мировоззрении, третьей анализируемой группой текстов станут эпитафии. Знания патриотической направленности свойственные гражданскому обществу в утилитарном дискурсе могут быть проявлены в текстах на памятных досках, эти тексты чаще других развернуты, и поэтому интересны для анализа текста. Тексты на памятных монетах, обладающие свойством речи целенаправленно создаваемой для пропаганды национальной идентичности, представляют собой благодатный материал для анализа дискурса, связанного с национальной группой. В связи с международным сообществом естественно изучать полиязыковые утилитарные тексты, адресованные людям разных народов.

В § 2 «Интралингвистические особенности функционирования утилитарных текстов».

Во-первых, рассмотрены лексические особенности утилитарных текстов, особое внимание уделено текстам равным одному слову, которое выступает не в качестве полной лексемы, а в качестве конкретной реализации, что выясняется при анализе полисемии, омонимии и т.п. В частности, выяснено, что в утилитарном тексте омографы, например, *Орган* и *орган*, а также многозначные слова, например, *чай* – напиток, сухой продукт, растение – противопоставлены. Есть слова, развивающей на вывесках новое значение «товары профиля», например *спорт*, *молоко*. Кроме того, в утилитарном дискурсе происходит активизация специальных значений и слов: «Резка», «Гибка». Важнейшей чертой лексики утилитарного дискурса оказывается использование совокупностей текстов, использующих языковую организацию слов: гиперо-гипонимические парадигмы.

Во-вторых, изучаются процессы деривации в утилитарном тексте, в том числе типичные словообразовательные модели: 1) «товар + суффикс + субстантивация»: *чебуречная*, *пончиковая*; 2) «предмет + опредмеченное действие»: *шиномонтаж*, *металлоремонт*, 3) «признак (усеченная основа) + товар»: *автохимия*, *спецодежда*, 4) «признак + предприятие торговли»: *радиорынок*, *гипермаркет*. Отдельное внимание уделено окказиональному словообразованию: «Матрас-маркет», «Ашанчик», - и аббревиации.

В-третьих, проанализированы особенности различных морфологических категорий в утилитарных текстах, особое внимание уделено апеллированию эргонимов при использовании в утилитарных текстах, в качестве примера можно привести слова *скотч* и *ксерокс* бывшие эргонимами производителей, затем заменившие собой словосочетания «липкая лента» и «копировальный аппарат» в результате стремления к экономии речевых средств. Вызывает интерес использование личного местоимения первого лица: или оно указывает на говорящий предмет (неодушевленный): «Поверни меня» {II, 250} – на пачке соды, «Я – прочный полиэтиленовый пакет <...>» {повс.} – на пакетах фирмы Евросеть и т.д, или, к примеру, пакете супермаркета Билла в тексте

«Сегодня я помог детям» - «я» указывает не на пакет, а на человека. О глаголе выяснено, что почти любая форма глагола в утилитарном тексте реализует одну из основных его функций – мотивирующую (Гл.1, § 1). Поэтому в утилитарных текстах используются, главным образом, формы императива или иные в значении императива. Значение времени и наклонения, кроме императива, в утилитарных текстах неактуально, точки отсчета времени нет или она неопределенна.

В-четвертых, проанализированы синтаксические особенности утилитарных текстов, причем выявлено, что неполная конструкция может быть восполнена благодаря экстралингвистическому окружению текста. Наличие в составе номинативных утилитарных текстов обстоятельств места, которые чаще распространяют сказуемое двусоставной конструкции, указывает на наличие в утилитарном тексте двух логических частей. Постпозитивные прилагательные являются не определениями, а сказуемыми, например на ценниках: «Котлеты говяжьи», «Хлеб свежий», «Вишня замороженная». Таким образом, в таких конструкциях есть эксплицитный предикат. Утилитарные тексты с кратким страдательным причастием: «Автомат выключен», «Лифт перегружен», - относят свое содержание к актуальному настоящему времени читателя и скрывают фигуру отправителя. Таким образом, можно утверждать, что утилитарный текст синтаксически ориентирован на получателя.

Иногда такие антонимичные тексты расположены в виде цепочки по ходу следования адресата, например, «Аптека» – «Аптеки нет». Из содержательной антонимии таких текстов можно сделать вывод об их синтаксической тождественности. То есть данные синтаксические конструкции устроены так: «здесь есть аптека» - «здесь есть не аптека». Для сравнения используется немецкий утилитарный текст схожего содержания, например, «Hier ist kein Hundeklo!» (букв. «Здесь есть не собачий туалет»). То есть формально номинативные и формально безличные утилитарные тексты содержательно двусоставны.

В утилитарном дискурсе существуют типичные сочетания слов, связанных как лексическим, так и грамматическим единообразием.

В § 3 «Экстралингвистические особенности утилитарных текстов» каждая особенность рассмотрена на примере своего круга текстов, связанного с отдельным сообществом людей.

В разделе «Тексты на машинах как проекция представлений функционального сообщества автомобилистов» изучаются дискурсивные особенности текстов, используемых в автомобильном потоке. В утилитарных текстах на автомобилях постоянно расширяется материальное разнообразие письма: используются краска, типографская и домашняя (на принтере) печать, безорудийное письмо, рельефное письмо и др. По выбору средств можно судить о социальной облигаторности – факультативности, узуальности – индивидуальности, постоянности – временности текста. Например, тексты, выполненные на принтере, относятся к индивидуальным, факультативным и временным.

В утилитарных текстах на автомобилях автор может выступать в пяти различных социальных ролях, в соответствии с которыми организованы его интенции и речевые действия, которых также насчитывается пять типов. Предупреждающие речевые действия – это, главным образом, официальные знаки в красном треугольнике: «Ш» – шипованные шины, «У» – неопытный водитель. Официальные речевые действия, кроме государственных номеров, могут содержаться в спецпропусках, выкладываемых под лобовое стекло. Экспрессивные речевые действия бывают позитивными и негативными. Например, положителен текст «Спасибо деду за победу». Инструктивные речевые действия на автомобилях фактически являются скорее деструктивными, тем более что они обыкновенно недоброжелательны: «Не можешь обогнать – перепрыгни». Привлекающие речевые действия представлены утилитарно-рекламными текстами на автомобиле: «Ремонт быстро и качественно», «Грузчики».

Поверхность автомобиля можно интерпретировать как знаковую ситуацию диалога, коммуникативное пространство, по которому можно судить об адресате. Правый нижний угол под лобовым стеклом предназначен для документов, которые видны инспектору ГИБДД. Заднее стекло обращено к другим водителям. Боковые поверхности автомобиля обращены к максимальному количеству людей: водители, пассажиры, пешеходы. Крыша автомобиля служит для размещения спецсигналов, обращенных ко всем окружающим.

Итак, анализируя дискурсивные особенности утилитарных текстов в ограниченной сфере автомобильного функционального сообщества, мы выяснили, что в них проявляется *коммуникативная активность*.

В разделе «Тексты на обложках учебников как реализация знаний педагогического экспертного сообщества о норме языка» проанализирована еще одна коммуникативно существенная сторона утилитарного текста – культура речи в нормативном аспекте.

Обнаружены разнообразные типы речевых ошибок. Среди лексических ошибок встречаются избыточные по значению выражения: «В помощь школьному учителю», искажение значения слов: «Мир земли», нарушения сочетаемости: «Эффективный учитель» и др. Среди морфологических ошибок встречаются использование множественного числа отвлеченных существительных: «Дидактические задания разных уровней сложности» и др. Среди синтаксических ошибок – неправильный порядок слов: «Диктанты по русскому языку с тематическими заданиями», нарушения в управлении: «Антология по истории педагогики России» и несовместимость однородных членов: «Авторы наших книг – лучшие методисты и учителя практики, специалисты органов образования и ученые-педагоги» (слово специалисты родовое по отношению к другим однородным членам).

Ошибки в текстах на обложках учебников, то есть там, где их быть не должно, свидетельствуют о пренебрежении к экспертным знаниям, о

нормативном нигилизме, как непреодолимом на современном этапе развития свойстве утилитарного дискурса, проникающее не только в тексты на обложках учебников во все его формы. Причиной нормативного нигилизма становится коммуникативная активность: утилитарные тексты постоянно охватывают новые темы и сферы, решают новые коммуникативные задачи. Для автора текста коммуникативная успешность оказывается важнее соблюдения норм, которое он не всегда считает условием успешности.

В разделе «Эпитафия как выражение массового «здравого смысла» в представлениях о жизни смерти» исследовано мировоззрение автора эпитафии в связи с моделью представленных коммуникативных отношений.

Эпитафия – чрезвычайно сложный речевой жанр: в центре внимания покойный человек, который не ответит автору, но несмотря на это, эпитафия обращена в первую очередь к усопшему, поэтому автор вынужден искать особые языковые модели. Именно они и представляют интерес для лингвистического исследования мировоззренческой концепции своеобразной коммуникации посредством эпитафий.

Текст надгробия А.В.Кольцова» «1842 г. ноября 3 подсим паметником погребено тело мещанина Алексея Васильевича Кольцова сочинителя и поэта воронежского <...>» иллюстрирует фактологическую модель эпитафии, в которой сообщается от третьего лица официальная информация: сословная принадлежность, род занятий и т.д.

Трагическая модель отражает страх смерти и маркирована указывающими на усопшего формами второго лица местоимений и глаголов, лексикой с негативным значением, указывающей на чувства: «Как много нашего / Ушло с тобой, / Как много твоего / Осталось с нами».

В современных автоэпитафиях часто встречается слово «я»: «Я видел так много. Я понял так мало». Такие эпитафии отражают концепцию бытия, где мир видится нестабильным и хаотичным, а традиционные понятия, такие как *жизнь*, *смерть* теряют привычное восприятие и прежний смысл.

Итак, существует три модели эпитафии, а именно: 1) фактологическая, в форме третьего лица, написанная об усопшем, не участвующем в общении, 2) трагическая, в форме второго лица, адресованная усопшему как собеседнику, 3) фантастическая, в форме первого лица, написанная от лица усопшего, роль которого берет на себя живой.

Современным утилитарным текстам, отражающим массовый «здравый смысл», свойствен страх смерти, иными словами *жизнелюбие*, которое оказывается еще одним сущностным свойством утилитарного текста.

В разделе «Текст на памятной доске как носитель гражданско-патриотических представлений» выявлены уровни оценки объекта описания, заключенные в тексте.

Оценку на уровне *наивысшего почтения* человеку дает памятная доска, если фиксирует, где он был, выступал, был один раз, проезжал мимо – т.е. один краткий эпизод его жизни, где значим непосредственно он.

На втором уровне мемориальной значимости оказываются тексты, содержащие идею *признания заслуг*, что выражается глаголами, указывающими на ключевые, но краткие, события в жизни человека, например, *родился, скончался*, сопровождаемые указанием рода занятий.

На третьем уровне мемориальной значимости находятся тексты, содержащие идею *всеобщего уважения*, которая сопровождается глаголами, указывающими на продолжительный период жизни: *учился, трудился, работал, жил*. Обычно в таких текстах указывают род занятий человека.

Героико-трагические тексты не приписывают никаких действий героям и жертвам – их упоминания выражены либо независимым дательным падежом, либо дополнениями. Эти грамматические формы выражают особое благоговение перед героями и жертвами.

Надписи на мемориальных досках служат достаточной иллюстрацией того факта, что *оценочность* является содержательным свойством утилитарного текста. Оценочность свойственна утилитарному тексту, даже вывеске «Продукты». Во-первых, она проявляется в оформлении, во-вторых – в выборе слова из ряда *продукты, универсам, гастроном*.

В разделе «Тексты на национальных украинских монетах как отражение культурной идентичности народа» исследованы культурные свойства утилитарных текстов на монетах.

Тексты на монетах сообщают историческую информацию о различных периодах: древнерусском, царской России, СССР и независимой Украины; географическую, краеведческую, биолого-экологическую и иную культурную информацию. Более всего выражают идею национальной идентичности украинские этнографические слова, называющие собственно украинские реалии. Среди них встречаются и музыкальные инструменты: *бандура, цимбали, бугай*, и животные: *сліпак* (не крот, но слепыш), и, разумеется, ремесленные слова *бокораши* – плотогон, *писанка* – покрашенное особым способом пасхальное яйцо.

Особого внимания заслуживает текст «Хрещення Русі», сохраняющий память об историческом событии, которое и для украинцев, и для русских является исторической вехой в истории своего народа.

Тексты на монетах независимой Украины заключают в себе значимое культурно-историческое содержание, свидетельствующее, с одной стороны, о национальной идентичности украинского народа, с другой – о значительной общности языка, истории и культуры России и Украины.

Итак, утилитарным текстам оказывается присуще такое свойство, как *культурно-историческая значимость*.

В разделе «Полиязыковой утилитарный текст как носитель знаний международного сообщества» исследованы главным образом тексты из области туризма, транспорта, гостиничного хозяйства и музейно-выставочного дела и торговли – областей, где чаще возникает ситуация бытового международного общения.

Понятие «полиязыковой» текст предполагает использование единиц более чем одного этнического языка, причем не только синтаксических и лексических, но и более мелких: словообразовательных, графических, т.е. речь идет о семиотическом взаимодействии между разными этническими языками. Осмыслить такое взаимодействие – значит изучить коммуникативные функции современных полиязыковых утилитарных текстов, причины их появления, а также коммуникативные и функциональные затруднения при их создании и восприятии.

Многоязычие используется в утилитарных текстах как средство создания имиджа: «Ресторанчик Ле Борщ», как игра: «Ahtung! Автомат чеки не выдает», в эстетических и мемориальных целях, например в вагоне-музее в Московском метро: «Вильгельм Гайль В монастыре» и «Wilhelm Gail In the monastery», для внедрения заимствования: «Скидки коньяк Камю VSOP элганс 0,7 л. п/у 2159⁹⁵», для создания языкового барьера «Bikers welcome» с мелкой припиской «Мото мастерская», для соблюдения политкорректности: «reset» и соответствующее по-русски «Peregruzka» («перезагрузка» – надпись на подарке госсекретаря США министру иностранных дел России), для приспособления антропогенного пространства для иностранцев: «Atsargiai! Žemos lubos», «Caution! Low ceiling», «Achtung! Niedrige Decke», «Uwaga! Niski sufit», «Осторожно! Низкий потолок».

При этом все полиязыковые тексты проявляют общее свойство – *интернациональность*. Она заключена не в буквальности перевода, которая недостижима. Интернациональность состоит в том, что текст можно не переводить, а найти готовое соответствие в ином языке, так как антропогенное пространство у разных народов имеет схожую организацию. Таким образом, интернациональность проявляется не в форме, а в содержании, которое на других языках предположительно уже существует, что радикально отличает утилитарные тексты от иных, создаваемых на одном языке и переводимых на другие, на которых они до перевода не существуют.

В разделе «Примеры комплексного анализа свойств текстов ядра утилитарного дискурса» на примерах, не относящихся к анализируемым в третьей главе группа показано, что все выявленные дискурсивные свойства текста: *коммуникативная активность, нормативный нигилизм, жизнелюбие, оценочность, культурная и историческая ценность и интернациональность* – в большей или меньшей мере проявлены в каждом утилитарном тексте, обеспечивая единство утилитарного дискурса.

В «**Заключении**» обобщен материал, касающийся решения каждой конкретной задачи исследования, чем доказано, что эти задачи решены.

В соответствии с целью работы приведены лингвистические и семиотические законы функционирования утилитарного дискурса.

1. Утилитарный дискурс развивается спонтанно, образуя единый, но сложный и разветвленный поток деятельности.
2. Утилитарный дискурс связан целенаправленным движением адресата между уровнями антропогенного пространства.
3. В утилитарном дискурсе функционирование этнического языка происходит по общеязыковым законам.
4. В утилитарном дискурсе знаки этнического языка и артефакты образуют семиотические единства на основе грамматики этнического языка.
5. Весь коммуникативный процесс в утилитарном дискурсе делится на два этапа: долингвистический и лингвистический. На первом создается артефакт, определяется его пользователь (владелец), который становится отправителем текста. На втором получатель сообщения приближается к артефакту, нуждаясь в информации о нем, чем и начинает собственно общение; воспринимает лингвистический текст и реагирует. Так образуется вербально-невербальный диалог: 1) невербальный запрос, 2) вербальный текст, 3) реакция.
6. В формальной организации утилитарного текста существенным аспектом является органическое взаимодействие знаков разных типов семиозиса и разных систем, то есть наличие семиотических гибридов.
7. В завершение всего утилитарный дискурс, найдя свою форму в отражении антропогенного пространства, сам влияет на отдельные артефакты и тем самым на антропогенное пространство.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монографии

1. Лихачев С.В. Язык надписей в современном обществе. / С.В. Лихачев. – М: Институт управления и информатики, 2010. – 196 с.
2. Лихачев С.В. Коммуникативное единство утилитарного дискурса. / С.В. Лихачев. – М: Институт управления и информатики, 2011. – 196 с.

Статьи в журналах, рекомендованных в перечне ведущих периодических изданий ВАК при Минобрнауки России:

3. Лихачев С.В. Надписи от Ломоносова до Чехова / С.В. Лихачев // Литература в школе. – 2009. – №3. – С. 9 – 12.
4. Лихачев С.В. Как учебнику сохранить доброе имя. О соблюдении речевых норм в надписях на обложках / С.В. Лихачев // Русский язык в школе. – 2009. – №6. – С. 41 – 45, 87.
5. Лихачев С.В. Пародийная надпись в сатирической прозе 20-30-х годов XX века / С.В. Лихачев // Русская речь. – 2009. – №5. – С. 26 – 32.
6. Лихачев С.В. Русские надписи за рубежом / С.В. Лихачев // Русский язык за рубежом. – 2010. – №4. – С. 68 – 75
7. Лихачев С.В. Опыт инференционного анализа общественных надписей / С.В. Лихачев // Вестник Московского городского педагогического

университета: серия «Филологические науки». – 2010. – №2 (5). – С. 20 – 29.

8. Лихачев С.В. Опыт интеракционного анализа общественных надписей / С.В. Лихачев // Вестник Московского городского педагогического университета: серия «Филологические науки». – 2011. – №1 (6). – С. 30 – 38.

9. Лихачев С.В. Семиотические подходы к оценке сообщений на автомобиле / С.В. Лихачев // Вестник Московского государственного областного университета: Русская филология. – 2011. – №2. – С. 28 – 33.

10. Лихачев С.В. Способы усиления речевого воздействия на адресата надписи / С.В. Лихачев // Вестник РГГУ: Серия «Филологические науки. Языкознание». – 2011. – № 11 (73). – С. 209 – 221.

11. Лихачев С.В. Система участников общения в утилитарном дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета: Русская филология. – 2013. – №4. 2013. – С.13 – 17.

12. Лихачев С.В. Проблемы изучения закрепленных малых текстов как утилитарного дискурса // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». – Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2013 № 2 (31). - ISSN 1999 – 8406; Гос. рег. № 0421100038. - Идентификационный номер 0421100038\005. - Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

Научные материалы, опубликованные в других изданиях:

13. Лихачев С.В. Значение слова в предметном контексте / С.В. Лихачев // Ученые записки Московского государственного социального университета. – 2001. – № 2 (22). – С. 132 – 136.

14. Лихачев С.В. Современные надписи как нетрадиционный объект лингвистического исследования / С.В. Лихачев // Журналистика и культура русской речи. – 2002. – №. 3 – С. 81 – 89.

16. Лихачев С.В. Проблема понимания текста / С.В. Лихачев // Текст. Структура и семантика: Доклады IX Международной конференции. – М.: МГОПУ. – 2004. – С. 109 – 110.

17. Лихачев С.В. Надпись и предметный контекст / С.В. Лихачев // Текст и контекст в языковедении: Материалы X Виноградовских чтений в 2 частях. Ч. 1. /ответ. ред. Е.Ф. Киров. – М.– 2007. – С. 178 – 180.

18. Лихачев С.В. Функциональная классификация общественных надписей / С.В. Лихачев // Сборник научных статей профессорско-преподавательского состава. – М.: ИУиИ – 2009. – С. 23 – 32.

19. Лихачев С.В. Надпись в контексте произведений изобразительного искусства / С.В. Лихачев // Текст и контекст в лингвистике: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции XI Виноградовские чтения «Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты» /ответ. ред. Е.Ф. Киров. – М.: МГПУ; Ярославль: Ремдер. – 2009. – С. 43 – 47.

20. Лихачев С.В. Надписи на памятниках - мосты между эпохами и культурами / С.В. Лихачев // Kalba ir tarpkulturine komunikacija: Konferencijos medžiaga. D 1. Vilnius: VPU. – 2009. – С. 35 – 38.

21. Лихачев С.В. Украинские надписи на монетах в русском восприятии / С.В. Лихачев // Мова і культура. Вып. 13. Т. IV (140). – Киев: Видавничий дім Дмитра Бураго. – 2010. – С. 134 – 140.
22. Лихачев С.В. Опыт коммуникативного анализа общественных надписей / С.В. Лихачев // Вестник Московского городского педагогического университета: серия «Филологические науки». – 2010. – №1 (4). – С. 27 – 35.
23. Лихачев С.В. Взаимовлияние общественных надписей и устойчивых выражений: пословиц и афоризмов / С.В. Лихачев // *Premie narodu slovanskych V: Sbornik prispevku z mezinarodni conference konane v Ostrave ve dnech 20-21.10. 2010.* – Ostrava: Universitas ostraviensis, 2010. – С. 97-102.
24. Лихачев С.В. Предикативные структуры в современных надписях / С.В. Лихачев // Научный сборник. – М.: ИУиИ. – 2010 – С. 5 – 14.
25. Лихачев С.В. Конкуренция надписей с иными жанрами устной и письменной речи / С.В. Лихачев // Русистика и компаративистика: сборник научных статей / Отв. ред. Е.Ф. Киров, Г. Кундротас, М.Б. Лоскутникова. – Вып. 5. – М.: МГПУ, 2010. – С. 80 – 90.
26. Лихачев С.В. Способы реакции адресата надписи на воспринятое сообщение / С.В. Лихачев // *Художественный текст: Восприятие. Анализ. Интерпретация.* № 7(2). – Вильнюс. – 2010. – С. 92 – 100.
27. Лихачев С.В. Типы и причины коммуникативных неудач при использовании общественных надписей / С.В. Лихачев // *Русский язык: исторические судьбы и современность: IV международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы.* – М.: МГУ. – 2010. – С. 186 – 187.
28. Лихачев С.В. Тексты на личных вещах как отражение ценностных ориентиров молодежи / С.В. Лихачев // *Ценностные ориентиры в начальном филологическом образовании и подготовке учителя: Материалы научно-практической конференции.* / Сост. и отв. ред. Т.И. Зиновьева. М. Экон-информ. – 2011. – С. 157 – 162.
29. Лихачев С.В. Семиотические гибриды в коммуникативной среде / С.В. Лихачев // *Язык и межкультурная коммуникация: Материалы второй международной научно-практической конференции.* Т.2. – Великий Новгород: НовГУ. – 2011. – С. 55 – 60.
30. Лихачев С.В. Письменные перформативы наречения в повседневном использовании / С.В. Лихачев // *Вопросы языка и литературы в современных исследованиях: Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XII Кириллоэхх -Мефодиевские чтения».* – М.; Ярославль: Ремдер. – 2011. – С. 125 – 130.
31. Лихачев С.В. Графическая языковая культура оформления учебного заведения. / С.В. Лихачев // *Культурно-развивающий и воспитательный потенциал современного образования: Материалы научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов.* / М.: Экон-информ, 2012. – 626 с. – с. 538 – 542.

32. Лихачев С.В. Семиотические гибриды. Антропогенное пространство письма. // Неклассические письменные практики современности: Коллективная монография. / под ред. Т.В.Шмелевой. – Великий Новгород, 2012. – 332 с. (Доля авторского участия 1,7 п.л.: с. 58 – 87, с. 39 – 47).